

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

С.А. Королёв

DOI: 10.7256/1999-2793.2013.7.8790

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ: РЕТРО- И ПЕРСПЕКТИВА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности протекания в российском пространстве власти фундаментальных исторических процессов, к которым автор относит колонизацию, модернизацию, глобализацию. Дается определение указанных процессов, раскрывается их сущность. Автор анализирует данные процессы в системе координат «пространство — время», «центр — периферия», «экстенсивное — интенсивное», «вертикаль — горизонталь» и т.д. Особое внимание уделяется специфике российского пространства и времени и воздействию российского пространственно-временного континуума на ход фундаментальных исторических трансформаций. Констатируется, что существуют определенные российские исторические (а не только географические) условия, обстоятельства и механизмы развития этих процессов. И одним из определяющих моментов здесь является псевдоморфность, постоянное воспроизведение в пространстве российской истории феномена псевдоморфозы, что делает ее — в России и для России — способом и типом развития. Помимо этого в статье анализируется влияние активного исторического субъекта на протекание трех вышеуказанных фундаментальных процессов, а также роль насилия в реализации колонизационных и модернизационных проектов и формы сопротивления, выступающего как реакция на эманацию насилия.

Ключевые слова: колонизация, модернизация, глобализация, пространство, время, центр, периферия, экстенсивность, насилие, сопротивление.

Можно выделить три наиболее значимых, определяющих и переопределяющих буквально все стороны российской жизни, как в ретро-, так и в перспективе, процесса: колонизация, модернизация, глобализация.

Россия — это страна, созданная посредством колонизации. Знаменитый историк В.О. Ключевский утверждал, что колонизация есть «основной факт» русской истории: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней»¹.

Россия регулярно предпринимала и предпринимает попытки модернизироваться. Не всегда эти попытки интерпретировались в терминах модернизации (в отечественном социально-политическом и экономическом дискурсе это понятие появляется достаточно поздно²), но всегда являются результатом осознания своего отставания и рефлексии по этому поводу.

Наконец, на протяжении столетий Россия так или иначе пыталась стать частью Европы, а с како-

¹ Ключевский В.О. Соч.: в 8 т. Т. I. М.: Госполитиздат, 1956. С. 31.

² Так, советские историки модернизационные процессы XIX в. интерпретировали, как правило, в терминах промышленного переворота. См., напр.: Панкратова А.М. Вступительная статья // Рабочее движение в России в XIX в. 2-е изд., доп. Т. I. 1800-1860. Ч. I, 1800-1825. М.: Госполитиздат, 1955.

**Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта
«Фундаментальные исторические процессы в российском пространстве власти:
характер, структура, специфика», осуществляемого при поддержке РГНФ
(проект № 13-03-00382а)**

то момента — и мирового сообщества. Равным образом на протяжении веков она искала способы дистанцироваться или даже изолироваться от Европы и мира. Но, так или иначе, она постоянно ищет и осмысливает себя и свое бытие в общемировом контексте. Последние социальные сдвиги, которые актуализировали и стимулировали эти поиски, — демонтаж тоталитарной системы и возвращение к универсальным (как тогда, в начале 90-х, казалось) ценностям демократии, а затем и новая волна глобализации, возникшая в связи со стремительным развитием IT-технологий, формированием единого мирового финансово-экономического и информационного пространства, перераспределением производительных сил, интернационализацией доступа к природным ресурсам и т.д.

1. Характеристика процессов

Попытаемся охарактеризовать этот очень короткий ряд фундаментальных исторических процессов в однопорядковых, более того, бинарных, категориях: пространство — время, центр — периферия, экстенсивное — интенсивное, вертикаль — горизонталь и т.д. Что гипотетически должно помочь нам соотнести и сопоставить, казалось бы, несоотносимое и несопоставимое. И создание общей, почти универсальной сетки координат начнем с определения сущности самих этих процессов.

Колонизация. Понятие «колонизация» является общеупотребительным термином, обычно обозначающим освоение некоей территории, свободной или занятой, государством, властью или какими-то человеческими множествами. В этом смысле оно употреблялось и употребляется как в чисто исторических работах, так и в рамках так называемого «общегуманитарного» дискурса. Подобное понимание колонизации является возможным и даже приемлемым, но в то же время — слишком общим. Все-таки методология анализа социальной реальности и система понятий как инструмент этого анализа должны вырабатываться каждой научной дисциплиной в зависимости от своих задач и своей специфики. Очевидно, в контексте наших философско-исторических штудий нелишне определить, какое содержание мы вкладываем в понятие «колонизация» и что мы понимаем под этим термином в контексте той исследовательской парадигмы, в рамках которой работаем.

Под колонизацией здесь и далее подразумевается способ *стратификации территории посредством определенной системы или опреде-*

ленного набора технологий власти и превращения территории, географического пространства в пространство власти. При этом типы (*центробежная, центростремительная* и т.д.) или виды (*колонизация-расселение* или *колонизация-переселение*) колонизации дифференцируются исходя из заложенных в них, связанных с ними механизмов стратификации, технологических «машин», которые в значительной степени и предопределяют облик и параметры властного пространства.

Стратификация территории, превращение ее в сегмент пространства власти — это создание, преобразование и воспроизводство посредством определенного набора властных технологий тех или иных механизмов функционирования власти. Это процесс освоения территории, в ходе которого неизбежно *производится* власть. Возникающие в ходе колонизации властные механизмы, эти «машины» власти (или, на первых порах, детали, компоненты будущих «машин») включают в себя способы локализации — удержания, фиксации населения в конкретных точках и сегментах пространства власти, дифференциацию человеческих множеств и социальных субъектов и определение контингента, подлежащего технологическому воздействию. Они, наконец, предполагают выработку формул принуждения и контроля, а также инструментария опосредованного принуждения, создание своего рода реестра всевозможных властных воздействий, угроз *in potentia*, которые являются или могут явиться рычагами давления на индивидов, человеческие множества и социальные субъекты иного рода.

Модернизация. Известный американский социолог и политолог Самюэль Хантингтон характеризует модернизацию как «многоаспектный процесс, связанный с изменениями во всех областях человеческой мысли и деятельности»³. При этом исследователь апеллирует к теоретизации Дэниэла Лернера, который описывал модернизацию как «процесс, имеющий некоторую *качественную специфику*, которая создает ощущение современности как *единого целого* у людей, живущих по ее законам»⁴. Основные аспекты модернизации, по Лернеру, — это урбанизация, индустриализация, секуляризация, демократизация, образование, роль СМИ, которые проявляются далеко не случайным образом. Исторически они «развивались в столь тесной связи друг с другом, что встает во-

³ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-традиция, 2004. С. 50.

⁴ Цит. по: там же. С. 50.

прос о том, можно ли их вообще рассматривать как подлинно независимые факторы, нельзя ли предположить, что столь устойчивый параллелизм в их развитии обусловлен тем, что, в некотором историческом смысле, они с *необходимостью* развивались параллельно»⁵.

Ранее тот же Хантингтон весьма жестко и категорично сформулировал основные параметры процесса модернизации. Это *революционный характер* процесса, ибо он предполагает кардинальный характер изменений, радикальную и тотальную смену всех институтов, систем, структур общества и человеческой жизни; *комплексность* процесса, ибо он не сводится к какому-то одному аспекту, одной стороне, одному измерению общественной жизни и охватывает общество полностью; *системность*, потому что изменения одного фактора, одного фрагмента системы побуждают и определяют изменения в других факторах; это *глобальный характер* процесса, ибо все страны, которые когда-то были традиционными, либо стали современными, либо находятся в процессе движения к этому состоянию; это *длительность, протяженность* процесса, требующего времени и происходящего в течение жизни ряда поколений; это своеобразная *ступенчатость*, поскольку все общества, модернизируясь, должны пройти одни и те же стадии. Модернизация, подчеркивает Хантингтон, — *гомогенизирующий* процесс: традиционные общества — весьма различны, современные же общества в основных своих структурах и проявлениях одинаковы; кроме того, модернизация — это *необратимый* процесс, начавшись, она не может не завершиться успехом. Наконец, модернизация — *прогрессивный* процесс: несмотря на все возможные издержки они в конечном счете оправданны, так как модернизированное общество неизмеримо благополучнее в материальном и культурном отношении⁶.

Некоторые положения Хантингтона небесспорны, другие просто не подтверждаются опытом российской истории. Л.Г. Ионин воспроизводит некоторые наиболее распространенные критические замечания по поводу теории модернизации в том виде, в каком ее отстаивает Хантингтон: это прежде всего констатация того, что не всякий результат модернизации — благо, что она не обязательно носит системный характер, что, в частности, экономическая модернизация может осуществляться без политической, и что, наконец, модернизационные

тенденции могут быть обращены вспять⁷. С этими констатациями трудно не согласиться; некоторые из этих проблемных позиций были рассмотрены автором в ряде публикаций; в частности, был описан механизм производства социальной архаики в ходе процесса технологической модернизации⁸ и ситуация разрыва между экономической, политической и социокультурной модернизацией⁹.

Из российских исследователей отметим подход А.С. Ахиезера, многие идеи которого близки автору данной работы: модернизация — это «явление цивилизационного масштаба, то есть она по своей сути форма, сторона перехода от традиционной цивилизации к либеральной, от общества, нацеленного на воспроизводство на основе некоторого статичного идеала, к обществу, рассматривающему повышение эффективности форм деятельности, развитие способности личности к собственному саморазвитию как основу общественной динамики»¹⁰.

Этот акцент на понимании модернизации как комплексного, многоаспектного, мультивекторного процесса крайне актуален в связи с тем, что в России/СССР/России весьма распространен специфический тип исторического сознания, которое готово признать факт отставания страны в технико-экономической сфере, но не во всех прочих: политической, культурной, социальной и т.д. Это сознание ориентируется на универсализацию и заимствование технологий — и на свой «особый путь» во всех прочих сегментах социальности, включая особое понимание демократии и прав человека. Это такой своеобразный философско-исторический и отчасти даже гносеологический патриотизм. Пресловутая «суверенная демократия» — лишь один из многих концептов, являющихся теоретическим обнаружением этой ментальной парадигмы. Иными словами, ощущая и переживая технологическое отставание России, носители этой матрицы сознания с куда большим трудом признают наличие проблем, связанных с организацией власти и состоянием самого гипотетического субъекта модернизации.

⁷ Там же. С. 31-32.

⁸ Королев С.А. Модернизация и демодернизация в российской истории. Ч. I // Философия и культура. 2009. № 1. С. 72-80.

⁹ См.: Многовекторность фундаментальных исторических процессов и будущее России // Меняющаяся социальность: контуры будущего / отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 2012. С. 49-66.

¹⁰ Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 4.

⁵ Там же.

⁶ Подробнее см.: Ионин Л.Г. Социология культуры. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. С. 30-31.

Равным образом, понимание многоаспектности модернизационного процесса необходимо для того, чтобы иметь некие методологические точки опоры при анализе и интерпретации того, что порой кажется парадоксами российских модернизаций, в частности, асинхронности и разнонаправленности трансформаций различных сегментов социума, а часто и возникающих в ходе этих преобразований конфликтов различных составляющих модернизационного процесса.

Иными словами, модернизацию не следует понимать узко, как внедрение определенного набора чисто технологических инноваций. Более того, представление о том, что модернизация — это не более чем процесс перехода от традиционного аграрного к современному индустриальному обществу, также кажется нам несколько ограниченным и, если можно так выразиться, рожденным определенной эпохой. Ибо «индустриальное общество» — это все-таки термин техноцентристский.

Глобализация. Понимание и интерпретации понятия «глобализация» чрезвычайно многообразны¹¹. Возьмем за точку отсчета представление о глобализации как о некоем естественноисторическом процессе¹². Можно, разумеется, спорить, является ли он «многовековым»¹³, уже возникавшим несколько раз в истории человечества (некоторые исследователи полагают, что еще в античности происходила глобализация, подобная той, что разворачивается сегодня, в XXI в.¹⁴), или это некий тренд, присущий только новейшей истории и проявившийся в полной мере с конца XIX в.¹⁵ Равным образом, можно обсуждать, является ли глобализация в основном и по преимуществу экономическим процессом («неверная трактовка глобализации вытекает из того, что она не понята как вполне конкретный экономический процесс»¹⁶, — полагает

В.Г. Федотова) или это комплексный, многосторонний процесс, затрагивающий все сферы социальности (как, например, считают Э. Гидденс¹⁷, П. Бергер¹⁸ и ряд других исследователей).

Автору ближе последняя точка зрения, тем более что сходная позиция видения уже была нами акцентирована при характеристике процесса модернизации. Есть определенная логика в том, чтобы рассматривать эти процессы со сходных методологических позиций и использовать сходные алгоритмы выявления узловых точек проблемного поля.

Современная глобализация — это своего рода *колонизация* (или *реколонизация*) *социального пространства*. З. Бауман в своей известной работе о глобализации возражает против тезиса о том, что «идея “социального пространства” родилась в головах социологов путем метафорической транспозиции концепций, сформировавшихся на опыте, связанном с физическим, “объективным” пространством»¹⁹. Нам же его возражения кажутся не вполне убедительными, что мы и попытаемся показать ниже, а метафора, соотносящая колонизацию и глобализацию как освоение, покорение и стратификацию соответственно географического и социального пространства, представляется отнюдь не беспочвенной.

2. Позиция видения

Пространство и время

Прежде всего важно дифференцировать, с одной стороны, географическое, физическое пространство — и пространство власти как стратифицированную посредством властных технологий территорию, и, с другой, реальное, физическое время — и время социальное, историческое.

Россия — гигантское, протяженное, необозримое пространство, аналогов которому нет в мире. Не случайно *бесконечное пространство* — фундаментальная, базовая метафора для России (заметим в скобках, что так называлась одна из книг автора²⁰). Российское пространство — не одномерно. Действительно, плоская равнина географически

¹¹ Характеристику и дефиниции процесса глобализации, изложение различных взглядов на хронологические рамки и сущность феномена см. в монографии: Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008. С. 115-121.

¹² Чумаков А.Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 5.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Кузовков Ю.В. Глобализация и спираль истории. М.: Аним-пресс, 2010.

¹⁵ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008. С. 117, 119, 229 и др.

¹⁶ Федотова В.Г. Единство и многообразие культур в условиях глобализации // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 47.

¹⁷ Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 27.

¹⁸ Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004.

¹⁹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 45.

²⁰ Королев С.А. Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М.: ИФ РАН, 1997.

однообразна и монотонна. Но технологически (это понятие мы в данном случае употребляем в фукианском смысле, имея в виду технологии власти) это пространство отнюдь не гомогенно. Пространство, отстоящее от технологического центра и тяготеющее к периферии, — иное, чем в центре. Как и сама эта периферия. Это периферийное пространство иначе структурировано, в зависимости от генетики ему может быть присуща как технологическая избыточность, так и технологическая недостаточность²¹. Граница пространства власти, грань, разделяющая стратифицированное властью пространство и пространство нестратифицированное, этот, если хотите, «фронтир», — изменчива, подвижна, пульсирует и чревата самыми неожиданными социальными абберациями, гибридами и синтезами²². В то же время изменения на периферии пространства власти и даже само экстенсивное расширение этой периферии часто влекут за собой трансформации центрального ядра, более того, могут угрожать самому его существованию.

Ф. Бродель пишет, что истинной единицей измерения пространства является скорость, с какой преодолевает его человек²³. Это в полной — если даже не в большей, чем к какому-либо другому историческому субъекту — мере относится к России. «И какой русский не любит быстрой езды?» — вопрошал классик. Быстрая езда — это стремление компенсировать протяженность пространства увеличением скорости передвижения. Но это стремление — не изначально, оно появляется лишь в какой-то момент, когда пространство расширяется, растягивается и в основном обретает присущие ему ныне параметры. Н.Я. Эйдельман замечает, что в России «солидные путешественники только с петровского времени принялись скакать сломя голову; прежде — чем важнее, тем медленнее: воевода из Москвы в Якутск, “на новую работу”, ехал в 1630-х гг. не торопясь, пережидая разливы и чрезмерные холода, ровно три года (средняя скорость — 7 верст в сутки)»²⁴. В эпоху же после Петра, в XVIII–XIX вв. «медленная езда подобает только царской фамилии»²⁵.

Перемещение в пространстве царской фамилии — вещь специфическая и стоящая несколько

особняком. Но если говорить о *скорости власти*, о прохождении властных импульсов через пространство, то для нее принципиально, чтобы эта скорость была выше, чем скорость импульсов сопротивления властным воздействиям, это значимо как с точки зрения чисто функциональной (управление, эманация властного принуждения), так и с точки зрения символической (самоутверждение власти).

В целом скорость движения призвана компенсировать «бесконечность» пространства и сжать, «догнать» безжалостно пожираемое этим пространством, вычитаемое, вырываемое из срока человеческой жизни время (заметим в скобках, что *быстрая езда* — настолько значимая тема, что, несомненно, заслуживает отдельного исследования).

«Большое пространство» накладывает свой специфический отпечаток на развитие макросоциума и атомизирует локальные очаги социальности. Ф. Бродель отмечает, что обширное пространство — это фактор *изоляции*, что, с одной стороны, позволяет сохранить культурное и социальное многообразие, но, с другой, — дробит это пространство на мельчайшие ячейки, совокупность микрокосмов, никак между собой не связанных и просто располагающихся один рядом с другим (здесь Бродель опирается на идеи французских историков Робера Мюшембле и Робера Филиппа)²⁶. Маленькие изолированные мирки, стоящие вне гигантских мировых катаклизмов до тех пор, пока эти катаклизмы не коснутся их непосредственно.

Представление о негативном воздействии «бесконечного» российского пространства на исторические судьбы страны было достаточно широко распространено и среди отечественных исторических мыслителей. «Нельзя не признать, что разбросанность населения России была и продолжает быть сильным тормозом в ее культурном развитии, в экономическом, умственном и гражданском преуспевании»²⁷, — писал, например, М.К. Любавский, историк школы Ключевского, посвятивший большую часть жизни изучению российской колонизации. В современной отечественной философской литературе на негативную (в глобальном историческом смысле) роль обширного пространства как фактора, противодействующего организации государственной жизни, формированию полноценного гражданского общества,

²¹ См.: Там же. С. 114-126.

²² См.: Королев С.А. Края пространства. Российская граница: генезис и типология // Отечественные записки. 2002. № 6.

²³ Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. С. 87.

²⁴ Эйдельман Н.Я. Твой восемнадцатый век. М., 1986. С. 54.

²⁵ Там же.

²⁶ Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. С. 96.

²⁷ Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб: Лань, 2000. С. 24.

ведущего к фрагментации культуры, неоднократно обращал внимание А.С. Ахиезер²⁸.

Другой фактор, влияющий на протекание фундаментальных процессов в российском пространстве власти, — время. Время физическое, смена времен года, что крайне важно для России как для холодной, «зимней» страны, и, что не менее существенно для нее как для страны аграрной, зависимой от урожая, чередование лет, лет «тучных», урожайных, и лет неурожайных и, следовательно, голодных. И время социальное/историческое с его рваными и труднопредсказуемыми ритмами. Длинная зима — короткое лето. Расслабление — сверхусилие. Чередование состояний человека, обусловленное цикличностью природных явлений. Выкованный этой цикличностью менталитет. И лишённое всякой цикличности историческое время, которое сжимается, спрессовывается, ускоряется во время катастроф и катаклизмов типа смут, войн, бунтов, революций и едва ли не останавливается во времена стагнации и застоя.

Россия — это весьма специфический пространственно-временной континуум. Российское время — медленное. Огромная *медленная страна*, как определил когда-то Россию Н.Я. Эйдельман²⁹, — и медленное время. Оно в России экстенсивное, растянутое, сжимающееся и интенсифицирующееся, как уже было сказано, только во время социальных и политических катаклизмов. Гигантский резерв экстенсивного развития, обусловленный обширностью российского пространства, почти неограниченными возможностями его колонизации и, соответственно, воспроизводства существующих социальных и экономических структур, делает российскую историю «медленной». Перемены здесь происходят медленно, если говорить о базисных социально-экономических сдвигах, а не о политических ломках и катаклизмах.

Кстати, Бродель отмечает еще один любопытный феномен, знаменательную аберрацию времени: разные части обширного пространства (историк в данном случае говорил о современной ему Франции) часто живут в разном темпе³⁰. Это тоже скорость, но не скорость передвижения в пространстве, а своего

рода *скорость жизни*. Жизнь в разном темпе — это механизм создания социальных противоречий самого разного рода, это то, что в конечном счете способно привести к расколу социума и образованию двух параллельных миров. «Верхняя Вольта с ракетами» — это лишь одна из формул, описывающих подобного рода реальность.

Разная скорость жизни была в петровском Петербурге и в старой столице Москве, в малых и больших городах, в деревне и городе. Где-то время двигается вперед скачкообразно, где-то практически стоит на месте.

Феномен вялотекущего, почти остановившегося исторического времени зафиксирован достаточно давно. Весьма впечатляюще это сделал К. Маркс в своих очерках о британском владычестве в Индии и индийской сельской общине. «Мы не должны забывать эгоизма варваров, которые, сосредоточив все свои интересы на ничтожном клочке земли, спокойно наблюдали, как рушились целые империи, как совершались невероятные жестокости, как истребляли население больших городов, — спокойно наблюдали все это, уделяя этому не больше внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной жертвой любого захватчика, соблаговолившего обратить на них свое внимание»³¹.

Особенности протекания времени в российском пространстве и бытия самого этого пространства во времени накладывают отпечаток на протекание фундаментальных исторических процессов. Не случайно модернизация в России в целом носит неорганический (в системе координат «органическая — неорганическая») и *догоняющий* характер³². В ходе модернизации «догоняется» упущенное историческое время. Модернизация — это функция российского времени.

Но если модернизация — это попытка догнать время, спрессовать его, перескочить через этапы, то колонизация — это попытка захватить, поглотить пространство. Российская колонизация — долгая, тягучая, длаящаяся столетия. Хотя в каких-то своих сегментах и на каких-то отрезках исторического времени — очень быстрая (например, освоение Севера и Дальнего Востока во времена СССР). Деколонизация же — стремительная,

²⁸ См. напр.: Ахиезер А. С. Российское пространство как предмет осмысления // Отечественные записки. 2002. № 6.

²⁹ Историк пишет, что еще в XVIII в. «Россия — страна огромная, медленная (в 30-40 раз медленнее, чем сегодня)» (Эйдельман Н.Я. Твой восемнадцатый век. М., 1986. С. 52).

³⁰ Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. С. 101.

³¹ Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 135-136.

³² «Применительно к России можно говорить в лучшем случае о запаздывающей или догоняющей модернизации...» — отмечал А.С. Ахиезер (Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 4).

занимающая считанные десятилетия и, более того, в основном своем каркасе, как схема, модель, предопределение грядущего, уложившаяся в два десятилетия, 1990-2000-е.

Налицо, таким образом, асимметричность процессов колонизации/деколонизации во времени — и полная симметрия в пространстве.

Если же говорить о российской модернизации, то это процесс не только противоречивый, но и крайне неравномерный, скачкообразный, отнюдь не происходящий в каком-то одном времени, быстром или медленном. Например, модернизация Петра I была достаточно стремительной, и за три десятилетия (мы включаем сюда и некоторую инерцию, имевшую место после смерти царя-реформатора) было сделано чрезвычайно много. Но затем ликвидация социально-экономической архаики, порожденной петровской модернизацией³³, вытеснение крепостного, принудительного труда из крупного производства и замена его трудом вольнонаемным, переход от вотчинно-посессионных предприятий к фабрике заняли в России без малого столетие, по сути, весь XIX в.

Великие реформы 60-х гг. XIX в., эта *концентрированная модернизация*, заняли меньше десятилетия и колоссальным образом двинули Россию вперед. Но незавершенность реформ, сохранение рудиментов крепостничества в деревне, консервация архаических структур, прежде всего, сельской общины, на протяжении десятилетий тяготела над страной, и, несмотря обретенную наконец решимость реформировать и этот сегмент социальных отношений («столыпинская реформа»), в конечном счете привели к революциям сначала 1905–1907 гг., а затем и 1917 г.

Равным образом, сталинская модернизация (знаменитая триада — индустриализация, плюс «коллективизация», плюс «культурная революция») уложилась в неполный десяток лет. Но после нее многие десятилетия ушли на то, чтобы восстановить разоренную российскую деревню и создать хотя бы какое-то подобие уничтоженного в ходе этого процесса крестьянского класса.

Рваное, скачкообразное, с элементами цикличности время российских модернизаций. Некое отражение в социальном пространстве цикличности традиционного российского существования, обусловленной географическими и климатическими императивами, но едва ли следствие оных.

Глобализация, напротив, опережает формирование механизмов адаптации тех или иных сегментов пространства и населяющих его человеческих множеств к этому процессу, надвигающемуся волной извне. Глобализация — это отрицание экстенсивности. Время глобализации — это не российское время.

Глобализация безжалостно разрушает все, что недомодернизировано и нежизнеспособно, и даже то, что могло бы быть жизнеспособно при другой констелляции обстоятельств. Она с одинаковой неотвратимостью и безразличием разрушает автомобильную столицу США Детройт (конкуренция японских автомобилей) и средоточие текстильной промышленности России/СССР/России Иваново (конкуренция китайских товаров). И в этом смысле прав Гидденс, который констатирует, что «глобализация — не просто господство Запада над всем миром; она затрагивает Соединенные Штаты точно так же, как остальные страны мира»³⁴. Хотя это «точно так» оправданно, лишь когда речь идет о равной подверженности разрушительным и созидательным импульсам глобализации; если же говорить о *результатах* процесса, то слабые экономики, разумеется, страдают сильнее, и здесь это «точно так» становится почти метафорой.

Контуры процесса — не новы: глобализация разрушает уязвимые экономические структуры *точно так*, как две сотни лет назад британское машинное производство текстиля разрушило индийское прядильное ремесло и смело с лица земли индийских ткачей (вспомним еще раз известные статьи Маркса об Индии).

Глобализация — это изменение течения, а точнее, сжатие исторического времени. Глобализация сжимает историческое время и не оставляет субъектам и объектам процесса времени на адаптацию к эволюции, к изменяющейся реальности — слишком высок темп трансформаций.

На первый взгляд, колонизация — процесс конечный. Хотя стадия деколонизации, отступление линии фронта (и появление его там, где в условиях «закончившейся» колонизации он уже перестал существовать) оставляют перспективу повторной колонизации уже некогда колонизованных территорий и, следовательно, открывают перспективу если не бесконечной, то перманентной, возможно, маятникообразной колонизации.

Модернизация не ограничена в своем развитии. Модернизированная структура через известный

³³ Подробнее см.: Королев С.А. Модернизация и демодернизация в российской истории. Часть I // *Философия и культура*. 2009. № 1. С. 72-80.

³⁴ Гидденс Э. *Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Весь мир, 2004. С. 19-20.

период времени становится устаревшей и даже архаичной. Модернизация — это, по-видимому, действительно бесконечный процесс.

В процессе колонизации расстояние — самый значимый параметр, это то, что надлежит преодолеть. В глобализованном мире все иначе. Глобализация изменяет параметры пространства и делает его иным, чем оно было прежде. В глобализованном мире и пространство, и время — в частности, время модернизации, качественного преобразования во времени, — сжимаются.

Эта тенденция очевидна. Однако это не более чем тенденция. Мы пребываем в мире, где пространство остается важнейшей константой, определяющей характер и течение многих процессов. Отрицание этого в любой форме, пусть даже метафорическое, гиперболическое, представляется лишь элегантною игрой мысли, не более. «Нам не посчастливилось наблюдать “конец Истории”, но зато мы присутствуем при исчезновении географии»³⁵, — провозглашает, например, Поль Вирилио. «Географические пространства и расстояния, которые еще вчера обуславливали политику отдельных наций и их коалиций и чье значение ясно показала “холодная война” в эпоху противостояния блоков Восток/Запад, исчезают и обесцениваются в мире ускорения и мгновенных взаимодействий»³⁶, — пишет он. З. Бауман в полной мере солидаризируется с этим подходом: «Расстояния уже не имеют значения, а идею геофизической границы в реальном современном мире становится все труднее поддерживать. Внезапно становится ясным, что разделительные линии, существовавшие на континентах и земном шаре в целом, являлись лишь функцией расстояний, которым примитивные средства транспорта и трудности путешествий некогда придали характер непререкаемой реальности»³⁷.

Обратим внимание на несколько кокетливый парадоксализм З. Баумана: «Действительно, понятие “расстояния” — это не объективная безличная физическая “данность”, а социальный продукт; его протяженность зависит от скорости, с которой мы его преодолеваем (а в монетарной экономике — еще и от того, во сколько обходится такая скорость). Все другие социально обусловленные факторы определения, разделения и поддержания коллективных

идентичностей — вроде государственных границ или культурных барьеров — в ретроспективе представляются лишь второстепенными следствиями этой скорости...»³⁸. В действительности, разумеется, расстояния, в различной системе координат, — это и объективная безличная данность, и социальный продукт. И местоимение «мы», которое употребляет Бауман, отдает некоторым лукавством, «Мы» — разные, и скорость, с которой мы преодолеваем расстояние, тоже разная. «Всеобщий субъект» глобального образа пространства и времени в нашем мире является абстракцией, замечает Н.В. Мотрошилова³⁹.

Хотя Бауман, вне всякого сомнения, прав, когда констатирует, что расстояния становятся все менее значимыми для элиты, «богачей и власть предержащих» («сегодня жизнь элиты почти не связана с различиями между понятиями “здесь” и “там”, “внутри” и “снаружи”, “близко” и “далеко”») — в гораздо большей степени, чем для всех прочих, не относящихся к элитарным слоям общества⁴⁰.

Кстати, Баумана как левого мыслителя весьма беспокоит «усиливающееся нарушение связи между все более глобализованными, экстерриториальными элитами и остальным населением, “локализация” которого постоянно усиливается»⁴¹. Для описания подобного феномена — локализации на фоне и в контексте глобализации — широко используется термин «глокализация», запущенный в оборот английским социологом Р. Робертсоном. Но если это так, если подобный феномен имеет место, то для подавляющего большинства населения нашей планеты расстояние тем более остается объективной и часто неодолимой физической реальностью, несмотря на стремительно развивающуюся глобализацию. Иными словами, объективные расстояния продолжают существовать, пространство отнюдь не исчезло, и в России это ощущается более чем где-либо. Как заметила Н.В. Мотрошилова, пока рано сдавать в архив традиционные концепции пространства и времени⁴².

³⁸ Там же.

³⁹ См.: Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. 2-е изд., расшир. и испр. М.: Канон+, 2010. С. 301.

⁴⁰ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 25-26.

⁴¹ Там же. С. 12.

⁴² См.: Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. 2-е изд., расшир. и испр. М.: Канон+, 2010. С. 303.

³⁵ Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М.: Гнозис, Прагматика культуры, 2002. С. 15.

³⁶ Там же. С. 14.

³⁷ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 25.

И историческое время меняется, но это изменение не тождественно примитивно понимаемому «сжатию», функции глобального мира. Историческое время меняется, так сказать, в обе стороны, не только в направлении сжатия, но порой очевидным образом растягиваясь, замедляясь и начиная двигаться вспять. В этом отношении показателен процесс деколонизации, разворачивающийся на наших глазах в российском пространстве власти.

В современной России многие колонизированные в XVII-XVIII вв. территории деколонизируются, дестратифицируются, арктическая зона Российской Федерации — зона проживания малочисленных («малых») народов, *кризисных этносов*⁴³, по сути, находится на грани депопуляции.

И время растягивается. Когда вы ставите своей целью добраться до какого-нибудь заброшенного военного аэродрома на границе Якутии и Чукотки, вы, по сути, оказываетесь в роли землепроходцев типа Атласова или Дежнева.

Другой ментальный ход, в известной степени девальвирующий значимость реального, физического, «объективного» пространства, к которому прибегает З. Бауман, — это фактическое отрицание связи между ним и разного рода аналитическими пространствами, этими инструментами научного познания, в частности, между пространством физическим, географическим — и «социальным пространством». Очевидно, значимый для нас концепт «пространства власти» также может быть поставлен рядом. «Многие говорят, а еще чаще подразумевают, — пишет Бауман, — что идея “социального пространства” родилась (в головах социологов, конечно, — где же еще?) путем метафорической транспозиции концепций, сформировавшихся на опыте, связанном с физическим, “объективным” пространством. Однако истина состоит как раз в обратном. То расстояние, которое мы сегодня склонны называть “объективным” и измерять, сравнивая с протяженностью экватора, а не размером частей человеческого тела, физической ловкостью или симпатиями/антипатиями населяющих данную территорию людей, измерялось в критериях, связанных с человеческим телом и человеческими отношениями задолго до того, как металлический прут под названием “метр”, это воплощение бестелесности и безличности, был выставлен в Севре в качестве универсального авторитета и руководства к действию»⁴⁴.

При этом ученый ссылается на мнение известного специалиста по социальной истории Витольда Кулы, который полагал, что «мерилом всего» с незапамятных времен являлось человеческое тело, в самом земном, буквальном смысле, абсолютно не связанном с философией. «На протяжении всей своей истории вплоть до сравнительно недавно наступившей эпохи нового времени люди измеряли мир своими телами — ладонями, горстями или локтями; созданными ими предметами — ведрами или мешками; масштабами своей деятельности — деля, к примеру, свои поля на “морги”, т.е. участки, которые один человек способен вспахать, работая с рассвета до заката»⁴⁵.

Заметим в этой связи, что «ладонями и горстями» измеряли «ближний», локальный мир. «Большой» же мир, выходящий за рамки освоенного локального пространства, пространства повседневной жизни, измеряли временем, необходимым для его преодоления. Иными словами, значительные расстояния измерялось не в «частях человеческого тела», а во временных отрезках, соотносимым с универсальными временными эталонами, т.е. прежде всего со сменой дня и ночи, восходом и заходом солнца. И чаще всего в «незапамятные времена» расстояния, «соотносимые с экватором», измерялись в *днях пути*. А если так, то именно физическое пространство, очевидно, и породило множество метафорических понятий, ставших своего рода ментальной проекцией пространства реального, и в частности, «социальное пространство» и «пространство власти».

Центр и периферия

Структура российской колонизации — центробежная, векторы, «лучи» колонизации разбегаются от центра к периферии. В Америке технологического центра, средоточия технологий власти, никогда не было, поэтому структура американской колонизации — волновая, от побережья к побережью. В свое время я сравнил рисунки этих двух типов колонизации со звездой и с кристаллической решеткой⁴⁶, и, думаю, это сравнение вполне существенно. В то же время структура австралийской колонизации — центростремительная, от побережья в глубь континента, к его гипотетическому «центру», полная противоположность России. А структура колонизации, например, Полинезии — точечная.

⁴³ См.: Бабаков В.Г. Кризисные этносы. М.: ИФ РАН, 1993.

⁴⁴ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 45.

⁴⁵ См.: там же. С. 46.

⁴⁶ Королев С.А. Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М.: ИФ РАН, 1997. С. 38-39.

Центробежная колонизация ведет к центростремительной организации пространства: все замкнуто на центр. Одно является следствием другого. Обширность пространства ведет к тому, что импульсы сквозь него идут долго, и потому обычное российское время, как уже было сказано, — медленное, длительное время. Но если импульс из центра, от власти, так или иначе, рано или поздно еще проходит сквозь «большое пространство», преодолевает его, то связи между сегментами этого пространства помимо центра весьма проблематичны. Эта ситуация сохраняется и по сей день. Например, добраться самолетом из многих не столь уж далеко отстоящих друг от друга российских городов можно только через Москву. Это и есть *пространство, организованное через-центр*⁴⁷.

Бродель, ссылаясь на авторитет Мишле, пишет о том, что Франция формировалась таким образом, что центр присоединил все остальные части страны⁴⁸. Важно иметь в виду, что подобное формирование пространства власти и государственной территории из некоего изначального ядра не тождественно колонизации. Скорее, это можно уподобить доколониационному, происходившему еще под эгидой монгольских ханов, «собираанию земель» вокруг Москвы, поочередному подчинению и присоединению к ней соседних русских княжеств и, в силу этого, постепенного укрупнения центрально ядра северо-восточной Руси.

Бродель видит «центр» как универсальную характеристику всякого пространства: «Всякое национальное единство — фактор надстроечный, это как бы сеть, наброшенная на несхожие друг с другом регионы. Края сети зажаты в кулаке, в привилегированном центре»⁴⁹. Заметим, что это не всегда так — в Америке, как уже было сказано, центра не было, да и в Австралии тоже, так что максима французского историка оказывается не столь универсальной.

Глобализация — процесс, в своей структуре сочетающий признаки российской центростремительной и американской волновой колонизации. В глобализации нет центра — но есть *полюс*, причем, *один* полюс. В то же время, это, скорее, процесс волнового типа. «Глобализация надвигается с Запада, несет сильный отпечаток политического и

экономического могущества Америки и приводит к крайне неоднозначным последствиям»⁵⁰, — констатирует Э. Гидденс.

У глобализации появляется некий аналог «центра» постольку, поскольку в этом процессе присутствует субъективная, политическая составляющая, поскольку в мировой *естественно-исторический* процесс глобализации вплетается *глобализм* как политика. Глобалистские импульсы исходят из зоны присутствия наиболее сильного игрока. И выгоду из процесса интеграции также извлекает прежде всего наиболее сильный игрок. До первой мировой войны — Великобритания, после первой мировой — США. Хотя мы, вероятно, не можем сказать, что Вашингтон является центром, из которого исходят импульсы глобализации в том смысле, в каком на Руси «центр», Москва была генератором процесса колонизации.

Колониальная британская империя представляется нам как одно из первых субпространств глобализации, близким по структуре к современному. Символом того глобализирующегося мира была железная дорога Каир — Кейптаун и испещренные невидимыми следами британских фрегатов просторы мирового океана. Аналогичными, хотя куда менее масштабными, были субпространства французской, германской и прочих колониальных империй. Стыки колониальных империй — разрывы пространства или субпространств глобализации. Вспомним *Фашиоду*, знаменитый инцидент, когда на излете XIX в. в маленькой африканской деревушке столкнулись волны британской и французской колонизации. Но здесь следует говорить скорее о ряде параллельных глобализаций или субглобализаций, центрами которых были страны, выстроившие гигантские колониальные империи.

В современном мире феномен субглобализации в том или ином виде сохранился, и нынешняя глобализация имеет сложную структуру не только в силу наличия различных (и часто разнонаправленных) векторов развития, которые зачастую действуют в экономике, политике, культуре, но и за счет неких субпроцессов, вписанных в глобализацию как фундаментальный общемировой процесс. Так, исследователи говорят о процессе глобализирования так называемой «исламской финансовой системы»⁵¹ (а

⁴⁷ Подорога В.А. Феномен власти (беседа с С.А. Королевым) // Философские науки. 1993. № 1-3. С. 53-54.

⁴⁸ Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. С. 264.

⁴⁹ Там же. С. 270.

⁵⁰ Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 19-20.

⁵¹ Садов О.В. Современные финансы и ислам // Глобализация и столкновение идентичностей. Международная интернет-конференция 24 февраля – 14 марта 2003. Сб. материалов. М., 2003.

если мы не будем понимать глобализацию как чисто экономический процесс, мы сможем увидеть также массу признаков социокультурной исламизации мира, в том числе и западного; о симптомах этого процесса мы можем говорить по крайней мере с тех времен, когда Кассиус Клей стал Мохаммедом Али, а Льюис Алсиндор — Каримом Абдул-Джаббаром). Используется также понятие *альтернативной глобализации*, под которой подразумеваются глобальные культурные движения, возникающие за пределами Запада и оказывающие на него все более сильное влияние⁵².

Вертикаль и горизонталь

Иерархия, вертикаль — это символ власти. Иерархизация — одна из базовых властных технологий. Развитые горизонтальные связи — признак общества гражданского или имеющего потенциал стать гражданским. Посмотрим, как вписываются, как встраиваются в эту систему координат, «вертикаль — горизонталь», фундаментальные исторические процессы.

Заметим, что власть по мере возможности стремится преодолеть многомерность стратифицируемого ею пространства, максимально уплотнить и уплощить его. Знаменитый «покоритель Кавказа» генерал Ермолов считал необходимым влиять на горы, заняв пастбища, а затем переселив горцев на равнину, на плоскость. Задача: добиться не только технологической, но и геофизической однородности пространства власти. Своего рода стремление к монизму пространства, одномерности, устранению географической разнопорядковости. Уже в советское время возвращенным после депортации на родину чеченцам запрещали селиться в горах выше определенной высоты. С однородным, выложенным на плоскости материалом власти легче работать технологически.

Модернизация — это как бы вертикальный процесс, мы привыкли говорить о «модернизации сверху» (во всяком случае это типичная ситуация для России), то время как колонизация в этой системе координат — процесс горизонтальный, развивающийся не по абстрактной «вертикали», а по вполне реальной географической поверхности.

Модернизация иерархична еще и в том смысле, что реальность, которая возникает в ходе этого процесса, в логике этой модернизации всегда выше, значительнее и «прогрессивнее» того, что было до

начала модернизационного процесса. Независимо от структуры и «цены» этого процесса. «Сталин принял Россию с сохой, а сдал с ядерной бомбой».

Модернизация идет сверху, по «вертикали», колонизация распространяется из (от) центра, выстраивая некую иерархию территорий, где критерием является отношение к центру, близость к нему не только и не столько географическая, сколько властно-технологическая. И в этом смысле оба процесса иерархичны, каждый в своем роде.

При этом, как показывает наш анализ, модернизация повседневной жизни в постсоветской России была рыночным, экономическим процессом, инициированным в лоне самого российского макросоциума и ориентированным на гражданское общество, поскольку повседневность — это атрибут и измерение этого общества⁵³. В этом смысле она была «горизонтальна» и, если вернуться к системе координат органическая — неорганическая модернизация, органична.

И наконец, глобализация. Мы уже отмечали определенные аналогии процессов колонизации и глобализации в России. Отметим это сходство и здесь. Не случайно Э. Гидденс подчеркивает: «Натиск глобализации идет и по горизонтали»⁵⁴. Глобализация ломает старые, устаревшие иерархии и устанавливает новые, причем в этой ломке «последние» часто становятся «первыми». И уже страны «первого мира» не выдерживают конкуренции развивающихся стран.

Экстенсивность — интенсивность

Колонизация — это по преимуществу экстенсивное воспроизводство существующих технологических, экономических, социальных (в самом широком смысле слова), властных и (социо) культурных структур в ходе пространственной экспансии. В сущности, речь идет о простом воспроизводстве этих структур, причем *всех* структур, имеющих отношение к социуму или, если хотите, макросоциуму.

Когда-то Э. Дюркгейм, характеризуя традиционное общество (общество «механической солидарности») и его основные параметры, называл среди них колонизацию, которую понимал как перенесение существующей социальной структуры

⁵³ См.: Королев С.А. Повседневность как эманация социальности: трансформации и тренды // NB: Философские исследования. 2013. № 8. (DOI: 10.7256/2306-0174.2013.8.709).

⁵⁴ Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 30.

⁵² Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 19.

в новые пространственные ареалы. Выдающийся социолог, безусловно, прав в том, что колонизация чаще всего воспроизводит старые социальные структуры в новом географическом пространстве. Но, видимо, это не только и не всегда структуры традиционного общества. Та же австралийская колонизация, в которой отмечалась очень мощная каторжная составляющая (значительно более мощная, чем в Сибири), не была клонированием традиционалистских социальных структур. Ибо каторга, а затем «золотая лихорадка» — это не совсем то, что мы связываем с понятием традиционных структур. Но если мы говорим о доминирующем тренде, то, конечно, следует говорить о воспроизводстве традиционализма и экстенсивности.

Вот как описывает этот процесс М.К. Любавский (конкретно речь идет о движении переселенцев, расселившихся на территории завоеванного Казанского ханства дальше, за Каму). «Какие же причины манили за Каму русских людей, недавно поселившихся в Казанском царстве? Ответ на это дают писцовые книги. Оказывается, что за время, прошедшее между первой описью Казанского царства в 60-х гг. XVI столетия, и описью, произведенной в конце первой четверти XVII столетия, производительность земель в некоторых местах Казанского уезда понизилась. Те земли, которые прежде обозначались “добрыми”, в писцовых книгах XVII столетия называются уже “средними”, а иногда и “худыми”. Очевидно, что эти земли за известное время “выпахались”»⁵⁵. Иными словами, колонизация, в данном случае, свободная, народная колонизация, была прямым и в известном смысле неизбежным следствием экстенсивности сельского хозяйства.

А.С. Ахиезер обращает внимание также на то, что массовое перемещение людей было своего рода ответом власти, формой выражения недовольства ее практиками, способом сохранения, активизации догосударственных, архаических ценностей во всех сферах человеческой деятельности⁵⁶. Проще говоря, способом сохранения экстенсивности культуры и всего социокультурного поля.

Собственно, ни одна страна изначально, «по умолчанию», не обречена на экстенсивное развитие, в том числе и на воспроизводство экстенсивности в процессе колонизации. «Освоение

пространства может носить как экстенсивный, так и интенсивный характер, — пишет А.С. Ахиезер. — В первом случае речь идет о стремлении использовать новые для данного субъекта, общества территории теми же способами, методами, что и старые, ранее сложившиеся, тогда как во втором случае освоение сопряжено с качественным повышением самой деятельности субъекта. Страна также постоянно выбирала между расширением своей территории и отказом от него, выдвиганием на первый план интенсивного пере-освоения уже ранее освоенных территорий»⁵⁷.

А.С. Ахиезер связывает облик российской колонизации со «стремлением архаичного населения сохранить в изменяющейся ситуации уровень экстенсивного воспроизводства»⁵⁸. «Колонизация, — констатирует исследователь, — могла быть объяснена не только недостаточным количеством земли, неблагоприятными условиями для земледелия, громадными территориями, непригодными для этого, но и сложившимся стремлением отвечать на все проблемы экстенсивными решениями, экстенсивным воспроизводством»⁵⁹.

Воспроизводство экстенсивности — это основной вектор российского развития. Но поскольку речь идет о живом и противоречивом историческом процессе, в нем может иметь место определенное количество разнонаправленных по сравнению с базовым вектором частных векторов и трендов, в нем может отмечаться преодоление экстенсивности в том или ином сегменте общественных отношений.

Модернизация — это, как уже было сказано, воспроизводство на качественно новом уровне общественных структур (структуры), причем не только чисто технологических ее параметров, но систем отношений во всех сегментах социальной жизни. В этом смысле это своего рода интенсификация. Модернизация предполагает не только технологическую трансформацию, но комплексное преобразование всех сегментов жизни общества — экономики, социальной сферы, политики, власти, культуры, общественного сознания. Как на уровне макросоциальном, институциональном, так и на уровне локальном, и, наконец, в пространстве повседневной жизни. В этом смысле модернизация — определенная альтернатива и антитеза колонизации.

⁵⁵ Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб: Лань, 2000. С. 171.

⁵⁶ См. напр.: Ахиезер А.С. Российское пространство как предмет осмысления // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 74.

⁵⁷ Там же. С. 72.

⁵⁸ Там же. С. 73.

⁵⁹ Там же.

Глобализация — интеграция и унификация структур социума с иными, сложившимися за его пределами структурами, создание некоего универсального экономического и социального суперпространства, в котором действуют одинаковые нормы, правила, законы, механизмы и которое открыто для подключения все новых и новых социальных акторов, новых социальных субъектов/объектов. Предполагается, что это общее пространство — надгосударственно, и в формируемые им взаимоотношения включаются, интегрируются структуры независимо от национально-государственных границ или, что более важно в контексте нашего исследования, независимо от принадлежности к определенному *историческому субъекту*. Мы имеем в виду как субъект, который служит предметом нашего рассмотрения (в нашем случае это Русь/Россия/СССР/Россия), так и некий загадочный исторический субъект, который из России воспринимается как «не-Россия», как геополитическое «они».

Глобализация в идеале — это насильственная интенсификация, своего рода «принуждение к интенсификации». В реальности же это сложное и противоречивое сочетание моментов интенсификации и консервации экстенсивного развития.

Глобализация в принципе нейтральна в отношении шкалы «интенсивность — экстенсивность» и может как консервировать экстенсивность, в целом или каких-то сегментах социума, так и стимулировать интенсивное развитие. Все зависит от соотношения уровней развития и «силы» взаимодействующих, интегрирующихся субъектов и мотивации действий, предпринимаемых этими субъектами. Фактически же глобализация стимулирует интенсификацию развития в одних сегментах социальности и консервирует застой и стагнацию в других.

3. Субъективная составляющая

Различно и влияние активного исторического субъекта на протекание трех вышеназванных фундаментальных процессов. Колонизация — процесс отчасти стихийный, отчасти направляемый, дирижируемый властью того или иного уровня. Воплощением власти может быть правительство, князь, магнаты, монастыри и т.д. Поэтому принято различать колонизацию стихийную, вольную, народную — и колонизацию направляемую, властную, правительственную.

Конечно, всегда есть какой-то субъект колонизации; даже отдельный крестьянин или холоп,

бегущий от хозяина на свободные земли, еще не стратифицированные властью, может рассматриваться в качестве подобного субъекта. Но когда мы говорим о субъектности *процесса*, о субъективной его составляющей, мы имеем в виду *исторический субъект*, т.е. субъект способный так или иначе влиять на характер и/или направление процесса. И в качестве такового субъекта мы в первую очередь рассматриваем власть в ее различных институциональных и неинституциональных ипостасях.

Существуют различные точки зрения относительно того, насколько модернизация является естественным процессом и насколько — сознательно проводимой неким историческим субъектом политикой. Так, В.Г. Хорос полагает, что «исторически она проходила как стихийно, через постепенное самопроизвольное накопление предпосылок в тех или иных областях общественной жизни, соединение которых давало качественный толчок (это было особенно характерно для стран Запада в средневековый и постсредневековый период), так и путем сознательных усилий отдельных групп и элит»⁶⁰. В.М. Межуев делает акцент на том, что модернизация — это не просто некий прогресс, стихийный или направляемый, модернизация — это сознательно осуществляемая властью политика⁶¹. Хотя мы уже отмечали, что, например, модернизация повседневности в России 1990-2000-х была в значительной мере — и в самой успешной своей части — процессом, практически не связанным с интенциями власти, и осуществлялась она структурами гражданского общества, бизнесом и частной инициативой. Очевидно, впрочем, что процесс разворачивался при определенной поддержке властью тех или иных акторов модернизационного процесса (такого рода поддержка, несомненно, имела, например, у трех наиболее мощных российских операторов мобильной связи). Но едва ли мы можем назвать здесь саму власть *субъектом* модернизации.

А глобализация, представляя в своей основе объективный процесс, *определяемый рыночными, а не государственными силами*⁶², вероятно, может быть — до известной степени — и направляемым, контролируемым, сознательно осуществляемым

⁶⁰ Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 13.

⁶¹ Межуев В.М. Российская модернизация и культура // Философские науки. 2011. № 1. С. 23.

⁶² Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001.

процессом. Пытаясь дифференцировать понятия и создать адекватный исследовательский инструментарий, ученые сознательно осуществляемую политику/стратегию глобализации нередко именуют *глобализмом* (а глобалистика в данном ряду — форма знания, научная дисциплина⁶³). Подобное разведение понятий *глобализация*, *глобализм*, *глобалистика* представляется нам оправданным.

Государство как таковое едва ли может быть заинтересовано в выносе производства в страны с дешевой рабочей силой, сокращении налогооблагаемой базы, росте безработицы и т.д. Но крупные политические и экономические игроки, те же транснациональные корпорации, могут быть в этом весьма и весьма заинтересованы, как и в трансляции определенных принципов политического устройства и социокультурных матриц.

Эта коллизия, кстати, известна в России с очень давних времен. Можно вспомнить, например, конфликт Московского государства и его правящего сословия в XVII в., когда государство вынуждено было противодействовать попыткам тотального похолопления крестьянства, что соответствовало эгоистическим интересам помещиков, но при этом существенно сокращало налогооблагаемую базу и подрывало фискальную систему государства (холопы не были податным сословием).

Итак, глобализация, как и колонизация, — процесс отчасти стихийный, отчасти направляемый и регулируемый, включающий моменты экспансии. Но если колонизация — это освоение географического пространства, территории, то глобализация — это освоение и унификация пространства социального (социального в самом широком смысле слова, как антитезы географическому).

При этом есть специфические российские исторические (а не только географические) условия, обстоятельства и механизмы развития этих процессов. И определяющее здесь — псевдоморфность, постоянное воспроизведение в пространстве российской истории феномена псевдоморфозы, периодическое, временами даже циклическое воспроизведение, которое делает псевдоморфозу — в России и для России — не отдельным историческим феноменом, а способом и *типом*

развития⁶⁴. Иными словами, все три названных фундаментальных процесса протекают — не всегда, но в значительной степени, на протяжении весьма длительных отрезков истории — в аллохтонной, псевдоморфной оболочке.

4. Насилие и сопротивление

Волны российской колонизации в значительной своей части шли по территориям, уже занятым теми или иными народами. И это был отнюдь не идиллический, «прогрессивный», как принято было говорить в известное время, процесс. Кстати, в первые два десятилетия после большевистской революции немало было сделано для восстановления истинной картины покорения российского Севера и Дальнего Востока. Затем на протяжении длительного времени, уже не в «интернационалистский», а в своего рода «имперский» период существования СССР, с середины 1940-х, утвердилась чисто идеологическая презумпция, что включение нерусских, малых, отсталых народов в состав России было для них благом и гигантским шагом к прогрессу. Можно допустить, что в каком-то смысле так оно и было, но с двумя оговорками: во-первых, этими благами сумела воспользоваться лишь уцелевшая, физически выжившая часть аборигенных народов. Ибо русская колонизация означала для многих малочисленных («малых») народов, не имевших своей государственности, не способных сопротивляться движению мощного этноса и экспансии жесткой централизованной техноструктуры, истребление большей части популяции. И второе: побочные негативные следствия этого прогресса часто были для интегрируемых в российское пространство власти народов никак не менее значимы, чем обретения цивилизации. Ограничимся указанием на алкоголизацию и распространение туберкулеза и венерических заболеваний.

В этом отношении характерным является присоединение к России Камчатки, Чукотки, Курил — это именно та ситуация, когда технологическая недостаточность заставляет власть идти не по пути властно-технологического самоутверждения, работы с технологиями, манипулирования ими, создания соответствующих дисциплинарных пространств, умножения и наложения друг на друга различных механизмов социального контроля, а по пути уничтожения носителей реального и потенциального сопротивления, по пути предельного

⁶³ «Кратко глобалистику можно определить как междисциплинарную область научных исследований, направленных на выявление сущности глобализации, причин ее появления и тенденций развития, а также на анализ порождаемых ею позитивных и негативных последствий» (Чумаков А.Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 4).

⁶⁴ См.: Королев С.А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6.

насилия, ведущего потенциально к омертвлению пространства.

Колонизация, а скорее, даже завоевание северо-востока велась с предельной жестокостью. С.М. Соловьев описывает, как в 1752 г. русские в Охотске сначала перебили взбунтовавшихся коряков, а потом решили «казнить смертью» всех коряков, объявивших о сочувствии бунтовщикам, «потому что за караулом держать было нельзя: их было слишком много, а русских слишком мало»⁶⁵. Вот типичный отрывок из казачьего донесения («отписки») начальству (речь уже о борьбе с чукчами): «И приказчик Алексей Чудинов велел к тем юртам приступить и на том приступе в тех юртах мужеска пола человек с 10 убили, а жен их и детей в полон взяли и многие плененные у них сами давились и друг друга кололи до смерти...»⁶⁶ Иными словами, неспособность власти технологически освоить пространство и дисциплинировать местное население вела к осуществлению практик геноцида, которые тем не менее не смогли предотвратить утрату контроля над пространством. Впрочем, примерно в это же время то же самое происходило и в колониях европейских держав⁶⁷.

На подчиненные народы накладывался натуральный налог — *ясак*, в основном взимаемый пушниной. Кроме того, «малые народы» становились объектом экономической эксплуатации, инструментом которой была прежде всего неравноправная торговля.

Русская колонизация вела к сокращению численности так называемых «малых народов» и депопуляции. Так, на Камчатке в годы, когда на полуострове побывала экспедиция В. Атласова (1695–1700 гг.), в низовьях реки Камчатки жило, по самым скромным подсчетам, около 25 тыс. человек. Согласно переписи, проведенной в 1822 г., на Камчатке проживало 2758 камчадалов. А через двести лет после Атласова, в конце XIX в., на всем полуострове оставалось не более 400 камчадалов⁶⁸.

⁶⁵ Соловьев С.М. Соч.: в 18 кн. Кн. XII. М.: Мысль, 1993. С. 115.

⁶⁶ Богораз-Тан В.Г. Краткий путеводитель по выставке «Чукотское общество». Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934.

⁶⁷ Скажем, население Таити к 20-м г. XIX в. сократилось, по некоторым оценкам, с 80 (по другим данным – со 130-и) до 8 тыс. человек (см.: Коцебу О.Е. Новое путешествие вокруг света в 1823-1826 гг. Изд. 3-е. М.: Наука, 1987. С. 107).

⁶⁸ См.: «Скаска» пятидесятника Владимира Атласова от 10 февраля 1701 г. // Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Сб. арх. мат. / под ред. Я.П. Алькора и А.К. Дрезено. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1935; Коцебу О.Е. Новое путешествие вокруг света в 1823-1826 гг. Изд. 3-е. М.: Наука, 1987. С. 199; Магидович И.П., Магидович В.И.

«Колонизация Камчатки русскими — это столетие ожесточеннейшей борьбы с коренным населением, — писал в 30-е гг. один из специалистов по русскому освоению Крайнего Севера. — Это победа феодальной империи над первобытно-коммунистическими отношениями, это победа европейского оружия над первобытным луком»⁶⁹. К аналогичным последствиям вела русская колонизация не только территории собственно России, но и других регионов, где русские колонизовали земли, например, Аляски (уничтожение алеутов, по некоторым данным, на девять десятых⁷⁰).

Эта чрезвычайная мера насилия на дальней северо-восточной периферии государства, становящегося империей и, позже, государства-империи, было связано, помимо всего прочего, и с особым отношением власти к стратифицируемым здесь территориям. Очевидно, что, например, в ходе завоевания русскими Казанского ханства одной из главных ценностей была территория, рассматриваемая как потенциальный ресурс аграрного производства, как *земля*. Вслед за войском на эту землю рано или поздно приходили (или приводились) земледельцы, крестьяне. Для того чтобы обеспечить контроль за вновь присоединяемыми землями, чтобы иметь материальную базу для подавления выступлений и восстаний покоренных народов, здесь прежде всего строились города (Свияжск, Чебоксары, Цивильск, Козьмодемьянск, Кокшайск, Тетюшев и проч.)⁷¹. Точно так же московская власть действовала на Нижней Волге после завоевания Астраханского ханства и во многих других колонизованных областях. На далеком же востоке и северо-востоке, в силу прежде всего климатических условий, земля ценности как производственный ресурс не представляла. Власть стремилась лишь к подчинению инородцев как таковому и получению ясака, пушнины. Поэтому эти сегменты пространства власти стратифицировались как внепроизводственный ресурс, как территории второго сорта. Кроме того, в предельной жестокости русских землепроходцев к «малым» северным народам проявилось известное презрение к иному типу жизнеустройства, как мы бы

Очерки по истории географических открытий: в 5 т. Т. 3. М., 1984. С. 75.

⁶⁹ Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.

⁷⁰ Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий: в 5 т. Т. 3. М., 1984. С. 303.

⁷¹ Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб: Лань, 2000. С. 166-167.

сказали сейчас, иным цивилизационным формам, которые русские почитали низшими. Некий психологический и социокультурный стереотип, который вполне обнаружился и в отношении европейских колонистов к североамериканским индейцам.

Отметим, кстати, симметричность колонизационных процессов, разворачивавшихся на различных континентах и в очень разных условиях: в Америке — истребление индейцев и затем импорт чернокожих рабов из Африки, в России — истребление, хотя и не тотальное, коренных, аборигенных, «малых» народов и после этого — завоз крепостных (на значительную часть колонизованных территорий, прежде всего на благоприятный для сельского хозяйства юг) и каторжных, а затем и узников ГУЛАГа (Сибирь, Север и Дальний Восток). Это означает, что колонизованная территория не просто стратифицировалась властью, а стратифицировалась тотально, вплоть до полной или частичной замены населения.

Для уцелевших народов колонизация означала разрушение или крайне существенную эрозию их традиционного уклада жизни, включая заимствование наиболее одиозных пороков наступавшей на них чуждой им цивилизации, о чем уже было сказано выше.

Но колонизация — это не только насилие, это *насилие и сопротивление*. Наиболее ожесточенное сопротивление продвижению России на восток и крайний северо-восток оказали чукчи. Это было не спорадическое, а постоянное вооруженное сопротивление русской колонизации. Долго и отчаянно сопротивлялись также коряки. Уже во второй половине XVII — начале XVIII вв. чукчи вели широкомасштабные военные действия против нижнеколымских и анадырских казаков⁷². В первой половине XVIII в. русские потерпели тяжелое поражение в борьбе с чукчами. В 1730 г. был разгромлен отряд казачьего головы Шестакова, в 1747 г. — отряд майора Павлуцкого. Чукотское сказание о походах Павлуцкого сообщает: «Якунин (Павлуцкий), злой враг с огненным луком (кремневым ружьем), мужчин и женщин жестоко губил, разрубал топором. Двадцать возов шапок убитых отправил к царю. «Больше их нет, всех истребили», похвастал царю. <...> Много стад заграбили. Наши нежданно напали, победили, всех перерезали, только начальника живым взяли мучить... Два бедных работника, которых всегда обижали, — тех не убили: дали им сильных оленей, дали им жирный

запас и отправили домой: «Передайте своим, пусть прекратят злое убивание»⁷³.

После истребления отряда Павлуцкого чукчи совершили ряд набегов на русские поселения на Колыме и Анадыре, а также на коряков и юкагиров, выступавших в русско-чукотской войне союзниками русских, не столько добровольно, сколько по принуждению. После этого русское правительство фактически на сорок лет прекратило попытки колонизовать крайний северо-восток. Контакты русских с чукчами, прежде всего, торговые, возобновились лишь в 1788 г. при Екатерине II. Новая волна колонизации осуществлялась большими силами в рамках гораздо более гибкой стратегии.

Но сопротивление русской колонизации велось не только на дальних окраинах будущей империи, где очевидна была технологическая недостаточность власти. Сопротивление не является функцией этой недостаточности, оно носило достаточно ожесточенный характер даже там и тогда, где о такого рода недостаточности не могло быть и речи. Например, после завоевания Казанского ханства Иваном Грозным. Масштабы этого сопротивления в силу односторонности и тенденциозности отечественной историографии, особенно советского периода, не особенно известны; тем не менее, они были весьма значительными⁷⁴. Здесь московиты в полной мере выступили как преемники монгольской империи, скопировавшие ее отношение к покоренным и интегрированным в империю народам в малейших деталях, вплоть до сохранения практики *ясака*.

Модернизация также осуществлялась насильственным путем, как петровская, так и сталинская, и также встречала серьезное сопротивление. Две крупнейших модернизации в российском пространстве власти проводились с чрезвычайным применением насилия. Причем часто это было избыточное, не обусловленное масштабами и интенсивностью сопротивления насилие. И существование в модернизированном таким способом обществе было сопряжено с крайней мерой принуждения в отношении индивидов, включенных в систему. Но справедливости ради заметим, что и в XIX и в XX вв. сопротивление, в частности, сопротивление рабочих людей занятых на промышленных предприятиях, часто уже было на-

⁷³ Богораз-Тан В.Г. Краткий путеводитель по выставке «Чукотское общество». Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934.

⁷⁴ Подробнее см.: Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII-XVI вв. М.: Международные отношения, 2001. С. 135-137.

⁷² Нефедкин А.К. Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

правлено не против модернизационных трендов, против реальных или потенциальных изменений, а против сохранения крепостнического и посткрепостнического статус-кво.

Глобализация также представляет собой довольно жесткий процесс, несущий мощный компонент принуждения и ломающий сложившийся уклад жизни десятков и сотен миллионов людей. Но здесь, во всяком случае, в норме, не заложено прямого физического насилия, хотя присутствуют моменты насилия, так сказать, социального.

В российском пространстве власть не может удержаться и воспроизводиться без насилия. В принципе, никакая власть не может держаться без той или иной меры насилия, насилия в широком, философском смысле. Но в огромном, «бесконечном» пространстве насилие дает власти скрепы, без которых целостность этого пространства просто невозможно сохранить. В частности, невозможно вне и без насилия осуществление базовой для России технологии власти, *локализации*, предполагающей фиксацию индивидов и человеческих множеств в тех или иных точках или сегментах пространства, без чего это пространство дезинтегрируется, во всяком случае, как пространство власти. Закрепощение и удержание в закрепощенном состоянии невозможно без насилия. Мы уже не говорим о жестоких технологиях массового террора в XX в., о ГУЛАГе и т. п. Но это уже тема *избыточного и стохастического насилия*, которая выходит за рамки данного очерка.

Горбачевская перестройка и рыночные реформы Ельцина — Гайдара (политическая модернизация и модернизация, в рыночном духе, экономической структуры) также имели серьезную цену. Сокращение населения и весьма серьезные лишения, делящийся стресс значительной части населения, преходящий в апатию, многолетнее существование в условиях чудовищной инфляции и т. д. Однако насилие — это сознательное, целенаправленное применение определенного властно-технологического инструментария. Здесь же власть пыталась по возможности смягчить, минимизировать последствия реформ, хотя не имела ни соответствующего опыта, ни ресурсов. Поэтому идеологические спекуляции на эту тему, попытки представить Гайдара едва ли не как наследника большевизма и alter ego Сталина имеют чисто спекулятивный, пропагандистский характер и имеют мало отношения к любого рода научному дискурсу.

На фоне колонизации и модернизации в том виде, в каком они осуществлялись в России, глобализация со всеми ее тягостными побочными

последствиями выглядит едва ли не идиллией. К тому же негативные последствия глобализации еще не затронули Россию в полной мере, поскольку она, как известно, вступила в ВТО только в 2012 г.

Глобализация обостряет конкуренцию и ужесточает «естественный отбор» в экономике и, следовательно, в социуме как таковом. Но этот отбор осуществляется уже с опорой не на прямое физическое насилие, а на более опосредованные формы принуждения. Кроме того, это насилие выборочное и потому отчасти стохастическое. Глобализация сама «выбирает» объект воздействия и меру применяемого к нему насилия. Объекты ее воздействия могут быть практически идентичными, но одни из них могут быть уничтожены глобализацией, а другие модернизированы. Это как подвергшиеся заражению чумой — какая-то часть из них погибает, какая-то выживает.

Прогнозы и сценарии бытия России в глобальном мире — различны, существуют совершенно катастрофические, есть умеренно пессимистические и даже почти оптимистические. Но оснований делать далеко идущие выводы пока нет. Равным образом нет оснований для того, чтобы исходя из анализа российского материала подтвердить или опровергнуть постулат об органической связи глобализация с процессом утверждения демократии, презумпция, которая близка некоторым авторитетным исследователям, например, тому же Гидденсу⁷⁵.

Очевидно, развитие глобализации и охват ею России предполагает также усиление сопротивления этому процессу, в частности, тем политическими, управленческим и социальными формам, через которые власть будет пытаться адаптировать его к России (или, если угодно, Россию к нему). Кроме того, наложение глобализационных матриц на российское пространство власти, по-видимому, может стать фактором возрождения местной культурной индентичности. Что, как констатирует тот же Гидденс, уже произошло во многих регионах мира⁷⁶. И, несомненно, это возрождение, этот, по сути, реактивный процесс, также является формой сопротивления нарастающим глобальным процессам. Небезынтересно, пойдет ли упомянутый процесс в аналогичных формах в России, или здесь история, как обычно, изберет наихудший сценарий, и мы получим универсализацию вне и без культурного многообразия.

⁷⁵ Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 21.

⁷⁶ Там же. С. 30.

Список литературы:

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.: Весь мир, 2004.
2. Бабаков В.Г. Кризисные этносы. М.: ИФ РАН, 1993.
3. Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994.
4. Богораз-Тан В.Г. Краткий путеводитель по выставке «Чукотское общество». Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934.
5. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М.: Гнозис, Прагматика культуры, 2002.
6. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
7. Глобализация и столкновение идентичностей. Международная интернет-конференция 24 февраля — 14 марта 2003. Сб. материалов. М., 2003.
8. Ионин Л.Г. Социология культуры. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.
9. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в. Сб. арх. мат. / под ред. Я.П. Алькора и А.К. Дрезено. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1935.
10. Королев С.А. Бесконечное пространство. Гео-и социографические образы власти в России. М.: ИФ РАН, 1997.
11. Королев С.А. Края пространства. Российская граница: генезис и типология // Отечественные записки. 2002. № 6.
12. Королев С.А. Модернизация и демодернизация в российской истории. Часть I // Философия и культура. 2009. № 1.
13. Королев С.А. Повседневность как эманация социальности: трансформации и тренды // ВВ: Философские исследования. 2013. № 8. (DOI: 10.7256/2306-0174.2013.8.709).
14. Королев С.А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6.
15. Коцебу О.Е. Новое путешествие вокруг света в 1823-1826 гг. Изд. 3-е. М.: Наука, 1987.
16. Кузовков Ю.В. Глобализация и спираль истории. М.: Анима-пресс, 2010.
17. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб: Лань, 2000.
18. Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 9.
19. Межуев В.М. Российская модернизация и культура // Философские науки. 2011. № 1.
20. Меняющаяся социальность: контуры будущего / отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 2012.
21. Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004.
22. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. 2-е изд., расшир. и испр. М.: Канон+, 2010.
23. Нефедкин А.К. Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
24. Панкратова А.М. Вступительная статья // Рабочее движение в России в XIX веке. Изд. 2-е, доп. Т. I. 1800-1860. Ч. I, 1800-1825. М.: Госполитиздат, 1955.
25. Подорога В.А. Феномен власти (беседа с С.А. Королевым) // Философские науки. 1993. № 1-3.
26. Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII-XVI вв. М.: Международные отношения, 2001.
27. Российская модернизация: проблемы и перспективы («Круглый стол») // Вопросы философии. 1993. № 7.
28. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001.
29. Федотова В.Г. Единство и многообразие культур в условиях глобализации // Вопросы философии. 2011. № 9.
30. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008.
31. Чумаков А.Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7.
32. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
33. Эйдельман Н.Я. Твой восемнадцатый век. М., 1986.

References (transliteration):

1. Bauman J. Globalizaciya. Posledstviya dlya cheloveka i obschestva / per. s angl. M.: Ves' mir, 2004.
2. Babakov V.G. Krizisnye etnosy. M.: IF RAN, 1993.
3. Brodel' F. Chto takoe Franciya? Kn. 1. Prostranstvo i istoriya. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1994.
4. Bogoraz-Tan V.G. Kratkiy putevoditel' po vystavke «Chukotskoe obschestvo». L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1934.
5. Virilio P. Informacionnaya bomba. Strategiya obmana. M.: Gnozis, Pragmatika kul'tury, 2002.
6. Giddens E. Uskol'zayuschiy mir. Kak globalizaciya menyaet nashu zhizn'. M.: Ves' mir, 2004.
7. Globalizaciya i stolknovenie identichnostey. Mezhdunarodnaya internet-konferenciya 24 fevralya — 14 marta 2003. Sb. materialov. M., 2003.
8. Ionin L.G. Sociologiya kul'tury. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Izd. dom GU VShE, 2004.
9. Kolonial'naya politika carizma na Kamchatke i Chukotke v 18 v. Sb. arh. mat. / pod red. Ya.P. Al'kora i A.K. Drezeno. L.: Izd-vo Instituta narodov Severa CIK SSSR, 1935.
10. Korolev S.A. Beskonechnoe prostranstvo. Geo-i sociograficheskie obrazy vlasti v Rossii. M.: IF RAN, 1997.
11. Korolev S.A. Kraya prostranstva. Rossiyskaya granica: genezis i tipologiya // Otechestvennye zapiski. 2002. № 6.
12. Korolev S.A. Modernizaciya i demodernizaciya v rossiyskoy istorii. Chast' I // Filosofiya i kul'tura. 2009. № 1.
13. Korolev S.A. Povsednevnost' kak emanaciya social'nosti: transformacii i trendy // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 8. (DOI: 10.7256/2306-0174.2013.8.709).
14. Korolev S.A. Pseudomorfoza kak tip razvitiya: sluchay Rossii // Filosofiya i kul'tura. 2009. № 6.
15. Kocebu O.E. Novoe puteshestvie vokrug sveta v 1823-1826 gg. Izd. 3-e. M.: Nauka, 1987.
16. Kuzovkov Yu.V. Globalizaciya i spiral' istorii. M.: Anima-press, 2010.
17. Lyubavskiy M.K. Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizaciyey. SPb: Lan', 2000.
18. Marks K. Britanskoe vladychestvo v Indii // Marks K. i Engel's F. Soch. T. 9.
19. Mezhuev V.M. Rossiyskaya modernizaciya i kul'tura // Filosofskie nauki. 2011. № 1.
20. Menyayushayasya social'nost': kontury buduschego / otv. red. V.G. Fedotova. M.: IF RAN, 2012.
21. Mnogolikaya globalizaciya / pod red. P. Bergera i S. Hantingtona. M.: Aspekt Press, 2004.
22. Motroshilova N.V. Civilizaciya i varvarstvo v epohu global'nyh krizisov. 2-e izd., rasshir. i ispr. M.: Kanon+, 2010.
23. Nefedkin A.K. Voennoe delo chukchey (seredina XVII — nachalo XX v.). SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2003.
24. Pankratova A.M. Vstupitel'naya stat'ya // Rabochee dvizhenie v Rossii v XIX veke. Izd. 2-e, dop. T. I. 1800-1860. Ch. I, 1800-1825. M.: Gospolitizdat, 1955.
25. Podoroga V.A. Fenomen vlasti (beseda s S.A. Korolevym) // Filosofskie nauki. 1993. № 1-3.
26. Pohlebkin V.V. Tatory i Rus'. 360 let otnosheniy Rusi s tatarskimi gosudarstvami v XIII-XVI vv. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2001.
27. Rossiyskaya modernizaciya: problemy i perspektivy («kruglyy stol») // Voprosy filosofii. 1993. № 7.
28. Utkin A.I. Globalizaciya: process i osmyslenie. M.: Logos, 2001.
29. Fedotova V.G. Edinstvo i mnogoobrazie kul'tur v usloviyah globalizacii // Voprosy filosofii. 2011. № 9.
30. Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. Global'nyy kapitalizm: tri velikie transformacii. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2008.
31. Chumakov A.N. Globalistika v sisteme sovremennogo nauchnogo znaniya // Voprosy filosofii. 2012. № 7.
32. Hantington S. Politicheskii poryadok v menyayushihsiya obschestvah. M.: Progress-Tradiciya, 2004.
33. Eydel'man N.Ya. Tvooy vosemnadcatyy vek. M., 1986.